И.А. Маньковский

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Минского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Пути модернизации системы гражданского права в условиях региональной экономической интеграции

В статье анализируются системы гражданского права государств – участников ЕАЭС, применяемый в них метод правового регулирования, способность используемых государствами – участниками ЕАЭС приемов и правовых средств воздействия на субъектов гражданского права создать условия осуществления экономической деятельности, соответствующие современным интеграционным процессам в условиях построения цифровых экономик

Ключевые слова: цифровая экономика, гражданско-правовой метод, региональная экономическая интеграция, общие правовые условия, единый Гражданский кодекс ЕАЭС.

Современное общество развивается в условиях интенсивных интеграционных процессов и, в первую очередь, в сфере экономики. Основной задачей международной экономической интеграции следует признать создание условий свободного движения продукции и финансовых средств в рамках территорий независимых государств, что способствует развитию международных экономических связей, расширению рынков сбыта продукции, созданию условий эффективного экономического развития [1, с. 111].

В качестве одного из примеров международной экономической интеграции можно назвать Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), представляющий собой международную организацию региональной экономической интеграции, созданную на основании Договора о Евразийском экономическом союзе, вступившего в силу для Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации 1 января 2015 г.

Международный Договор направлен на создание условий интенсификации национальных экономик государств – участников, в условиях их интеграции в мировое экономическое пространство. От эффективности регионального экономического сотрудничества, от того на сколько успешно будут решены задачи объединения зависит экономическая безопасность государств – участников, рост их национальных экономик и, соответственно, качество жизни народа каждого государства. Успешная реализация целей, определенных Договором о ЕАЭС предопределена как внешними, так и внутренними факторами, к которым, в первую очередь, следует отнести вектор развития экономик каждого из членов ЕАЭС вне рамок созданной международной организации, т.е. направления экономического сотрудничества с государствами, не входящими в созданную организацию региональной экономической интеграции, но поддерживающими экономические отношения с участниками ЕАЭС и, во вторую, содержание и, соответственно, качество правовой основы осуществления экономической деятельности, каждого из государств – участников ЕАЭС, которую составляют нормы гражданского права, закрепленные, в первую очередь, в Гражданских кодексах:

− Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее – ГК Беларуси);

− Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. (далее – ГК Казахстана);

− Российской Федерации 21 октября 1994 г. (далее – ГК России).

Содержание системы гражданского права каждого из государств – участников ЕАЭС, ее стабильность и адекватность фактическим потребностям субъектов экономической деятельности влияет на инвестиционную привлекательность государственной территории для иностранных субъектов хозяйствования – резидентов государств, входящих в ЕАЭС, может выступать фактором, как стимулирующим их предпринимательскую активность на сопредельной государственной территории, так и сдерживающим ее в связи с возможными предпринимательскими рисками, вызванными нестабильной системой гражданского права, из-

лишним государственным вмешательством в частную предпринимательскую деятельность, чрезмерным администрированием экономических процессов, допускаемым применяемой системой гражданского права. В свою очередь, качество системы гражданского права зависит от совокупности приемов и правовых средств, которые государство использует в процессе нормативного воздействия на участников экономической деятельности, т.е. от метода гражданско-правового регулирования, применяемого на территории каждого из государств – участников ЕАЭС.

В свою очередь, метод правого регулирования выражается в ГК через совокупность правовых норм и, в первую очередь, норм, императивы которых устанавливают основы гражданско-правового регулирования (принципы гражданского права) [2].

Наиболее приемлемым, с нашей точки зрения, для развития экономических отношений в рамка ЕАЭС является разработка и введение в действие унифицированной (единой) системы гражданского права (единого Гражданского кодекса ЕАЭС) [3], основанной на принципах гражданско-правового регулирования, присущих системам гражданского права демократических государств, т. е. максимально ограничивающей государственное вмешательство в частные экономические отношения, допускающей широкое, ограниченное принципами гражданского права, самостоятельное усмотрение субъектов в ходе моделирования свих правоотношений, обеспечивающей беспрепятственное движение в рамках территории ЕАЭС продукции и финансовых ресурсов, предоставляющей эффективную систему средств защиты нарушенных гражданских прав и законных интересов в случае обращения за защитой к государству, а по сути, применяющей диспозитивный метод правового регулирования в классическом его понимании. При этом в настоящее время на территории государств, входящих в ЕАЭС, действуют национальные системы гражданского права, имеющие ряд, в том числе, существенных отличий.

Наиболее прогрессивной из трех следует признать систему гражданского права Российской Федерации, закрепленную в ГК России, Общая часть которого претерпела существенные изменения в рамках реформы, проведенной в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации». ГК Беларуси и ГК Казахстана в общей своей концепции совпадают, за некоторыми несущественными исключениями, что было присуще и Общей части ГК России до ее модернизации. Наиболее значимым следует признать отличие содержания статьи 2 ГК Беларуси, в которой закреплена совокупность норм, отражающих принципы гражданско-правового регулирования [4], т.е. его основу, от аналогичных по смысловой направленности ст. 1 ГК России и ст. 2 ГК Казахстана.

Так, в ст. 2 ГК Беларуси, в отличие от ГК России, и ГК Казахстана, включены такие принципы, как принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности и принцип приоритета общественных интересов, отражающие направленность системы гражданского права Республики Беларусь на учет интересов государства, как интересов приоритетных, что не свойственно системам гражданского права демократических государств, обеспечивающих гражданско-правовое регулирование в интересах личности, в интересах отдельных участников экономических отношений.

В частности, приоритет прав и законных интересов личности закреплен в § 3 ГК Чехии, п. 1 ст. 1 и ст. 3 ГК Украины, ст. 8, 9 и 9^1 ГК Франции, в ГК Бразилии, основанном на «…концепциях материальной этики, которая видит главным благом человеческое достоинство…» [5, с. 238], в ст. 1:102 Модельных правил европейского частного права, содержащей правило, согласно которому «они должны пониматься в свете применимых актов, гарантирующих права и фундаментальные свободы человека…» [6, с. 106].

Общими недостатками метода гражданско-правового регулирования, применяемого в системе гражданского права Беларуси, Казахстана и России являются следующие.

1. В качестве первого недостатка можно назвать дихотомию закрепленных в ГК правовых норм, поддерживающих метод гражданско-правового регулирования, т.е. применение в ГК в одном ряду императивных и диспозитивных норм. Необходимо отметить, что Гражданские кодексы Беларуси, Казахстана и России содержат правовые нормы, относящиеся к различным классификационным группам: компенсационные [7, с. 4], специализированные [8, с. 6] нормы и др. Вместе с тем, по нашему мнению, подтвержденному проведенными ранее исследованиями [9], все гражданско-правовые нормы, закрепленные в ГК, необходимо классифицировать на две основные группы – императивные нормы и диспозитивные нормы, после чего к ним могут быть применены другие классификации.

Каждая из норм, закрепленных в ГК в первую очередь, подлежит классификации в качестве диспозитивной либо императивной, после чего к ней может быть применена другая классификация;

2. Вторым недостатком является нормативно закрепленная в ГК презумпцию императивности норм гражданского права. Так, в ГК Беларуси презумпция императивности норм гражданского права явно следует из содержания ст. 169 согласно нормам которой любая сделка, не соответствующая требованиям законодательства, по общему прави-

лу является абсолютно недействительной, что указывает на безусловную необходимость точного соблюдения правовых норм и, следовательно, на их, по общему правилу, императивный характер. Таким образом, несоответствие сделки любой норме гражданского права, за исключением тех, которые имеют окончание «если иное не предусмотрено соглашением сторон …», закрепленной в любом нормативном правовом акте системы гражданского законодательства, влечет, по общему правилу, ее абсолютную недействительность. При этом, согласно нашим исследованиям [10, с. 122] в ГК Беларуси закреплено преобладающее количество формально императивных норм, что также присуще ГК Казахстана и ГК России.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что свобода выбора субъектами экономической деятельности различных вариантов поведения в рамках участия в гражданско-правовых отношениях (диспозитивность их поведения), ограниченна рамками формально диспозитивных норм. В Российской Федерации в 2013 году, когда Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ внесли изменения в ст. 168 ГК России «Недействительность сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта» была предпринята попытка преодоления презумпции императивности норм ГК. Так, согласно новой редакции ст. 168 ГК России сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, по общему правилу, признается оспоримой. Аналогичная попытка, но в 2017 году реализована законодателем Республики Казахстан, который Законом Республики Казахстан от 27 февраля 2017 г. № 49-VI внес изменения в ст. 158 ГК Казахстана «Недействительность сделки, содержание которой не соответствует требованиям законодательства Республики Казахстан». Согласно новой редакции названной статьи сделка, содержание которой не соответствует требованиям законодательства, а также сделка, совершенная с целью, заведомо противоречащей основам правопорядка, является оспоримой.

Таким образом в новых редакциях соответствующих статей ГК России и ГК Казахстана в отличие от действующей редакции ГК Беларуси закреплена оспоримость сделки, не соответствующей требованиям законодательства. По сути, ГК России и Казахстана предоставили право решения вопроса о необходимости признании сделки, не советующей требованиям законодательства недействительной, заинтересованной в этом стороне конкретного правоотношения.

Примененный подход, безусловно, значительно расширяет свободу усмотрения участников экономических отношений, но не предотвращает возможность спекулятивного поведения одной из его сторон в случае, например, изменения рыночной стоимости продукции, отгрузка которой предусмотрена заранее заключенным договором. При указанных условиях недобросовестная сторона сделки может впоследствии попытаться ее разрушить, обратившись в суд с иском о признании сделки недействительной. Кроме того, и в ранее действующих редакциях анализируемых статей ГК Казахстана и ГК России, содержание которых было аналогичным содержанию действующей редакции ст. 169 ГК Беларуси, право на обращение в суд об установлении факта ничтожности сделки было предоставлено заинтересованной стороне гражданского правоотношения. В случае отсутствия такого обращения, и до внесения соответствующих изменений в ГК и России, и Казахстана, абсолютно недействительная (ничтожная) сделка, т. е. сделка, противоречащая законодательству, могла быть исполнена сторонами без каких-либо негативных для ее сторон последствий, например, в виде применения или недопущения реституции.

В целях преодоления презумпции императивности норм гражданского права и придания гражданско-правовому методу качеств действительно диспозитивного метода нами предлагается следующая редакции ст. 169 ГК Беларуси. Которая также может служить основой (быть применена полностью) для единого ГК ЕАЭС:

Статья 169. Сделка и нормы гражданского законодательства

1. Юридически значимые действия сторон сделки признаются правомерными, если иное не установлено решением суда.

2. Сделка, не соответствующая обязательным требованиям, установленным правовыми нормами, оспорима, если законодательный акт не устанавливает иных последствий нарушения, а требованиям основ гражданско-правового регулирования (статья 2) – ничтожна.

3. Сделка, не соответствующая обязательным требованиям правовых норм, является ничтожной в случаях, прямо указанных правовыми нормами.

4. Нормы пунктов 1–3 настоящей статьи применяются к договорам.

Вместе с тем, следует отметить, что внесение изменений единственно в названную статью ГК само по себе не влечет существенного изменения в подходах к гражданско-правовому регулированию, чего не произошло в Российской Федерации и Республике Казахстан.

В процессе модернизации системы гражданского права и создания единого ГК ЕАЭС также необходимо:

– отказаться от дихотомии норм гражданского права и исключить из текста формально диспозитивных норм окончание «если иное не предусмотрено соглашением сторон (договором) … и т. п.»;

– внести изменения в ряд ключевых статей ГК, нормы которых наряду с нормами ст. 169 ГК Беларуси (168 ГК России, 158 ГК Казахстана) поддерживают презумпцию императивности норм гражданского права.

К подлежащим изменению нами отнесены нормы, закрепленные в ГК Беларуси в ст. 2 (ст. 2 ГК Казахстана, ст. 1 ГК России), ст. 5 (ст. 5 ГК Казахстана, ст. 6 ГК России), ст. 7 (ст. 7 ГК Казахстана, ст. 8 ГК России), ст. 391 (420 ГК России) и в ст. 392.

Нормы названных статей ГК Беларуси (Казахстана и России), по нашему мнению непосредственно определяют правовые возможности участников экономических отношений, устанавливают пределы их собственного усмотрения в процессе моделирования свих правовых связей, в целом поддерживают презумпцию императивности гражданско-правовых норм с нормативно установленным приоритетом государственных и общественных интересов над интересами отдельной личности, а по сути, закрепляют нормативно ограниченную диспозитивность правового положения участников гражданско-правовых отношений, под которой следует понимать *предусмотренное нормами гражданского права положение участников гражданско-правовых отношений, в соответствии с которым их инициатива и собственное усмотрение ограничены формально диспозитивными нормами, а правовые возможности подчинены юридической формуле «дозволено только то, что прямо разрешено законодательством»*.

В частности, нормы, закрепленные в ст. 2 ГК Беларуси закрепляют социальную направленность регулирования экономической деятельности и приоритет общественных интересов, определяют, что участники гражданских отношений свободны в определении любых, но не противоречащих законодательству, условий договора.

В ст. 7 ГК Беларуси, в развитие норм ст. 2, закреплено нормативное ограничение, согласно которому гражданские права и обязанности могут возникать только из таких сделок, которые не противоречат нормам гражданского законодательства.

Нормы ст. 169 ГК Беларуси определяют, что сделка, не соответствующая требованиям законодательства, по общему правилу, ничтожна. Нормы ст. 391 ГК Беларуси закрепляют порядок применения диспозитивных норм, что не может имеет места в условиях отказа от их включения в ГК и, следовательно, подлежат корректировке. Наряду с указанными изменению также подлежат нормы ст. 392 ГК Беларуси, придающие, в нарушение Конституции Республики Беларусь, обратную силу любому нормативному правовому акту, устанавливающему обязательные для сторон договора правила, иные, чем те, которые действовали в момент его заключения. Изложенное свидетельствует о необходимости приведения норм, закрепленных в ст. 2, 5, 7, 169, 391 и 392 ГК Беларуси в соответствие с действительными потребностями экономики в условиях участия Республики Беларусь в международной организации региональной экономической интеграции (ЕАЭС).

Проведенное исследование позволяет констатировать тот факт, что применяемый современным гражданским правом Республики Беларусь, других участников ЕАЭС, метод правового регулирования основан на дихотомии гражданско-правовых норм с численным преобладанием норм императивных и характеризуется закрепленной в ГК презумпцией императивности норм гражданского права, чем поддерживается нормативно ограниченная диспозитивность правового положения субъектов гражданского права.

При этом, гражданское право Казахстана и России, Армении и Кыргызстана также как и гражданское право Беларуси, основано на презумпции императивности гражданско-правовых норм, их дихотомии, с таким же численным преобладанием норм, имеющих формально императивную конструкцию и, соответственно, требует изменения в условиях развития экономик государств – членов ЕАЭС в рамках единого экономического пространства. Изложенное свидетельствует о необходимости совершенствования действующей модели гражданского права всех государств – участников ЕАЭС с целью приведения ее содержания в соответствие с требованиями демократического управления обществом, создания общих правовых условий осуществления предпринимательской деятельности в рамках единого экономического пространства, чем предопределена необходимость разработки единого ГК ЕАЭС.

При этом согласно проведенным ранее исследованиям норм гражданского права [11], их логической структуры [12], выявленным нами свойствам и предлагаемым классификациям диспозитивных и императивных гражданско-правовых норм [13], установленной степени их влияния на развитие экономических отношений изменение системы гражданского права необходимо проводить посредством трансформации метода правового регулирования, а, по сути, изменения содержания норм, закрепленных в ст. 2, 5, 7, 169, 391 и 392 ГК Беларуси [14] (советующих статьях ГК Армении, Казахстана, Кыргызстана и России) при условии отказа от дихотомии гражданско-правовых норм.

Так же необходимо отметить, что изменения указанных норм Общей части ГК направлены на создание единой модели гражданско-правового регулирования, основанной на диспозитивном методе, применение которого позволит создать максимально комфортные условия для осуществления предпринимательской деятельности в рамках еди-

ного экономического пространства, что будет способствовать стимулированию деловой активности граждан, развитию творческой предпринимательской инициативы, повышению материальной заинтересованности в своем труде и, как следствие, увеличению его эффективности. Изменения указанных норм направлены на установление гражданско-правового положения участников экономической деятельности, соответствующего демократическому управлению, поддерживающему общепризнанные мировым сообществом демократические идеи и ценности, свидетельствующего о направленности государств – участников ЕАЭС на построение гражданского общества и правового государства, на поддержание и охрану общечеловеческих ценностей.

Модернизации системы гражданского права в названных пределах и разработка на этой основе единого ГК ЕАЭС становится особенно актуальной задачей в условиях развития на территориях государств – участников ЕАЭС цифровых экономик и движения в направлении легализации гражданского и, как следствие, экономического оборота инновационных финансовых активов, именуемых криптовалютой, применение которой в качестве средства обмена и накопления, в настоящее время, может иметь, в том числе, негативные последствия для национальной безопасности.

Библиографический список:

1. Маньковский И.А. Гражданское право Евразийского экономического союза: современное состояние и направления унификации // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность : матер. IV междунар. науч.-практ. конф., г. Краснодар, 8 июня 2019 г. / Кубанский гос. ун-т. − Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 111–118
2. Маньковский И.А. Научно-практическая характеристика императивных норм гражданского права // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства : сб. ст. по материалам ежегодной междунар. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 21–25 окт. 2016 : в 3 т. / Новосибирский государственный технический университет. − Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. – Т. 2. – С. 148–153.
3. Маньковский И.А. Парадигма гражданско-правового регулирования экономических отношений в свете международной интеграции в рамках ЕАЭС: современное состояние и перспективы развития // Инновации в образовании, науке и экономике: от частного (российская практика) к общему (мировой опыт): сб. мат. междунар. науч.практ. конф., г. Архангельск, 22–23 марта 2018 г. / ЧОУ ВО «Институт управления». − Архангельск: Ин-тут управления, 2018. – С. 21–28.
4. Маньковский И.А. Нормы-принципы в системе средств гражданско-правового регулирования // Инновационное предпринимательство и защита интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе : сб. мат. междунар. науч.практ. конф., г. Архангельск, *24–25 марта 2016 г. : в 2-х ч. /* / ЧОУ ВО «Институт управления». − Архангельск: Ин-тут управления, 2016. – С. 222–235.
5. Коста Лазота Л.А. Гражданский кодекс в XXI в.: бразильский взгляд // Вестн. РУДН. Сер. Юрид. науки. – 2014. – № 2. – С. 230–242.
6. Модельные правила европейского договорного права / пер. с англ. ; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. – М. : Статут, 2013. – 989 с. С. 106.
7. Орешкин С.И. Компенсационные нормы российского гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. И. Орешкин ; Волгоград. гос. ун-т. − Волгоград, 2006. − 26 с.
8. Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03; Урал. гос. юрид. акад. − Екатеринбург, 2007. − 44 с.
9. Маньковский И.А. Нормы гражданского права: проблемы правопонимания и правоприменения в рамках диспозитивного метода правового регулирования // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации : сб. ст. междунар. науч. практ. конф. : в 2 ч., г. Минск, 27 апреля 2016 года : в 2-х ч. / Международный университет «МИТСО». – Минск: «Межд. у-нт. «МИТСО», 2016. – Ч. 1. – С. 142–145.
10. Маньковский И.А. Нормативная модель гражданско-правового регулирования: проблемы формирования, толкования и применения: моногр. − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. − 486 с.
11. Маньковский И.А. Доктринальные и догматические предпосылки применения новых подходов к формированию системы норм гражданского права // Современные проблемы права экономики и управления. – 2017. – № 2. – С. 53–60.
12. Маньковский И.А. Логическая структура норм гражданского права: проблемные аспекты определения // Современные проблемы права и управления: сб. докладов 7 междунар. науч. конф., г. Тула / Ин-тут законоведения и управления ВПА. – Выпуск 7. – Тула: Суворовская типография, 2017. – С. 106–113.
13. Маньковский И.А. Нормы гражданского права: современный доктринальный подход к определению понятия // Актуальные проблемы гражданского права. – 2016. – № 2. – С. 98–126.
14. Маньковский И.А. Модель гражданско-правового регулирования в условиях построения цифровой экономики: тенденции формирования, толкования и применения // Актуальные проблемы гражданского права. – 2017. – № 2. – С. 105–116.

©Маньковский И.А., 2020